Послелогои в языке кировских пермяков

С. А. Сажина

*Институт языка, литературы и истории Коми
научного центра УрО РАН,
г. Сыктывкар, Российская Федерация
sazinas@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена описанию послеложной системы одного из малоизученных идиомов коми-пермяцкого языка – языка кировских пермяков, система которого складывалась под влиянием внутри-языковых закономерностей и русского языка в условиях изоляции от основного этнического коллектива. Предметом исследования являются послелогои, характерные для исследуемого идиома. Основное внимание в работе уделено выявлению их формальных и семантических особенностей.

Цель статьи: выявить послелогои, бытующие в языке кировских пермяков и рассмотреть их морфологические и семантические особенности.

Материалы исследования: эмпирическую базу исследования составили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в район проживания кировских пермяков в период с 2002 по 2012 гг. Лингвистический материал анализируется и интерпретируется в контексте коми языкового диалектного ландшафта.

Результаты и научная новизна. В работе предпринят первый опыт системного описания послеложной системы верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка: выявлены серийные и изолированные послелогои; предпринята попытка установления количества членов серийных послелогов; выделены семантические разряды исследуемых служебных слов. В научный оборот вводятся новые диалектные данные, которые могут стать дополнительным источником для сравнительно-исторического исследования послеложной системы пермских языков, а также для изучения межъязыкового взаимодействия.

Ключевые слова: коми язык, коми-пермяцкий язык, верхнекамское наречие, кировские пермяки, диалектология, морфология, послелогои.

Благодарности: публикация подготовлена в рамках Комплексной программы УрО РАН № 18-6-6-25 «Духовная культура и традиционные представления народов Европейского севера России (по данным языка, фольклора и литературы)».

Для цитирования: Сажина С. А. Послелогои в языке кировских пермяков // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 474–484.

Postpositions in the language of the Kirov Permyaks

S. A. Sazhina

*Institute of Language, Literature and History of the Komi
Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russian Federation,
sazinas@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: the paper deals with the description of the postposition system of one of the little-studied idioms of the Komi-Permian language – the language of the Kirov Permyaks, the system of which was formed under the influence of intra-linguistic patterns and the Russian language in isolation from the main ethnic group. The subjects of the study are the postpositions characteristic for the idiom under study. The main attention is paid to the identification of their formal and semantic features.

Objective: identification of postpositions common to the Kirov Permyaks language; consideration of their morphological and semantic peculiarities.

Research materials: the empirical base of the research consists of the language materials of the author's dialectological expeditions to the area of residence of the Kirov Permyaks in the period from 2002 to 2012. The linguistic material is analyzed and interpreted in the context of the Komi language dialect landscape.

Results and novelty of the research: the first systematic description of postpositions of the Upper-Kama dialect of the Komi-Permyak language is made: serial and isolated postpositions are identified; an attempt to identify the number of serial postpositions is made; the semantic levels of the studied function words are distinguished. New dialect data are introduced into scientific circulation, which can become an additional source for comparative historical research of the postposition system of the Permian languages, as well as for the study of interlanguage interaction.

Key words: the Komi language, the Komi-Permyak language, the Upper-Kama dialect, Kirov Permyaks, dialectology, morphology, postpositions.

Acknowledgments: the publication is prepared within the framework of the Comprehensive Program of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences No. 18-6-6-25 «Spiritual culture and traditional representations of the peoples of the European North of Russia (according to language, folklore and literature)».

For citation: Sazhina S.A. Postpositions in the language of the Kirov Permyaks // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (3): 474–484.

Введение

Язык кировских пермяков, традиционно именуемый верхнекамским наречием коми-пермяцкого языка, распространён в верховьях Камы, на территории Афанасьевского района Кировской области. Языковая система исследуемого идиома складывалась под влиянием общих внутриязыковых закономерностей, а также под влиянием русского языка в условиях изоляции от основного этнического коллектива. С конца XIX столетия наблюдается стремительное сокращение количества носителей верхнекамского наречия. Так, перепись населения 2010 года зафиксировала в Афанасьевском районе 88 пермяков. Согласно специальному опросу о владении коми-пермяцким языком, проведённому в 2007 г. во всех населённых пунктах района, численность носителей верхнекамского наречия составила около одной тысячи человек. Языковое поведение младшего и среднего поколения характеризует языковой сдвиг и смена кода в сторону русского языка; диалектную компетенцию и возможность общаться на пермяцком языке сохраняют лишь часть представителей старшего поколения.

В связи с перечисленными обстоятельствами, а также учитывая слабую изученность¹ идиома, документирование и синхронное описание данной территориальной разновидности

коми языка является одной из важнейших задач современной коми диалектологии.

Предметом рассмотрения в данной работе являются послелого, бытующие в языке кировских пермяков. Цель исследования – морфологическая характеристика послелогов, отражение их семантической структуры.

Теоретической и методологической основой настоящей статьи явились исследования, в которых рассматривались различные аспекты послеложных систем на материале финно-угорских языков [2; 3; 7; 9; 10; 11; 13; 19; 20; 26; 27; 29, 294–300; 31]. В современном коми языкознании рассмотрение специфики послелога, как части речи, представлено в работах Г. А. Некрасовой. Исходя из общепринятого определения послелогов, представленного в работе К. Е. Майтинской [7], исследователем выделен комплекс семантико-синтаксических и морфологических признаков, характеризующих данную часть речи в коми языке [9; 10; 11].

Материалы и методы

В основе исследования – лингвистические материалы, собранные автором в ходе нескольких экспедиций в район проживания кировских пермяков в период с 2002 по 2012 гг. Эмпирический материал в статье приводится в фонематической транскрипции на кириллической

¹ До настоящего времени язык кировских пермяков не был объектом специального синхронного научного исследования; некоторые его особенности кратко отражены в статье Г. А. Нечаева [12, 1–21] и обобщающем труде по коми-пермяцкой диалектологии Р. М. Баталовой [1, 221–223]. В последнее десятилетие системное исследование языка кировских пермяков осуществляется Е. Н. Федосеевой и автором настоящей статьи. Результаты изучения отражены в ряде их научных статей [14; 15; 16; 17; 18; 23; 24; 25].

основе, традиционно используемой в пермской диалектологии.

При подготовке статьи использованы описательный, сравнительный, структурно-семантический методы.

Результаты исследования

1. Послелого коми языка традиционно делятся на две группы: серийные и изолированные. Серийные послелого восходят к именам в различных падежных формах, перешедших впоследствии в застывшее состояние. В коми языке насчитывается более тридцати таких серий; число членов одной серии колеблется от трёх до двенадцати [9, 444; 10, 373]. Серийные послело-

ги чаще всего выражают локальные отношения, однако могут иметь и другие значения.

В исследуемом наречии к серийным относятся послелого с основами *бөр-* ‘за, после’, *бок-* ‘рядом’, *вэрдыл-* ‘над’, *гөгөр-* ‘вокруг’, *дин-* ‘возле, около, к’, *дор-* ‘возле, у’, *кост-* ‘между’, *оз’-* ‘перед’, *орд-* ‘у’, *ос’т-* ‘напротив’, *пытишк-* ‘внутри’, *сай-* ‘за’, *улт-* ‘под’, *шёр-* ‘центр’, *ыл-* / *выл-* ‘на’. Ниже в таблице представлено, в каких формах удалось зафиксировать серийные послелого в исследуемом наречии. Количество их членов варьирует от двух до семи. Возможно, последующие полевые диалектологические исследования позволят уточнить состав и количество членов серийных послелогов, бытующих в речи кировских пермяков.

	номинатив	иллатив	инессив	элатив	транзитив	терминатив	эгрессив
<i>бөр-</i>			+	+			
<i>бок-</i>		+	+	+	+	+	+
<i>вэрдыл-</i>		+	+	+			
<i>дин-</i>		+	+	+	+	+	+
<i>дор-</i>	+	+	+	+	+	+	+
<i>гөгөр-</i>	+	+	+	+			
<i>кост-</i>		+	+	+	+	+	
<i>оз’-</i>		+	+	+			
<i>орд-</i>		+	+	+			
<i>ос’т-</i>		+	+	+			
<i>пытишк-</i>		+	+	+			
<i>сай-</i>		+	+	+	+	+	+
<i>улт-</i>		+	+	+	+	+	
<i>шёр-</i>		+	+	+	+	+	+
<i>ыл-</i> / <i>выл-</i>		+	+	+			

Р. М. Баталова в обобщающем труде по коми-пермяцкой диалектологии отмечает наличие в верхнекамском наречии у послелого с основой *дин-* варианта *дын-* и его функционирование в качестве падежного суффикса на том основании, что между послелогом и предшествующим именем нет должной паузы [1, 138]. Наши исследования не подтверждают данное утверждение. Исследуемая форма имеет *и*-овую огласовку, характерную также для коми-зырянских диалектов, и функционирует в качестве серийного послелого в шести формах. Фонетико-структурные изменения послелого с основой *дин-* нами не зафиксированы.

В исследуемом идиоме послелого с основой *ыл-* чаще всего употребляются в усечённой форме, с опущением начального *в-*: *пэл’пон ылө*

‘на плечо’, *чойдор ылын* ‘на пригорке’, *пызан ылыс’* ‘со стола’; однако встречаются и полные формы: *т’эрка вылад* ‘на дом-то’. Вероятно, это свидетельство начала процесса трансформации послелогов с основой *ыл-* в падежные форманты, который широко представлен в коми-пермяцких и удмуртских диалектах (см. об этом подробно [1, 129–141; 5, 178–183; 8; 28, 175–197].

Функционирование в речи кировских пермяков односложных вариантов рассматриваемого серийного послелого *-лын* (*-лас*) ‘на чём / ком-либо’, *-лө* ‘на что / кого-либо’, *-лис’* ‘с чего / кого-либо’, *-лөдз* ‘до чего-либо’, развившихся в результате выпадения анлаутного *в* и последующего сокращения количества слогов, отмечает Р. М. Баталова [1, 135–136]. В ходе

экспедиционных работ вышеперечисленные односложные варианты в речи кировских пермяков нами не зафиксированы.

По мнению Г. А. Некрасовой, верхнекамские образования типа *ылын, ылыс', ылö*, несмотря на двусложность структуры, можно рассматривать в качестве падежных формантов; их свойства «ближе к падежным: они потеряли способность к самостоятельному употреблению в случае маркирования их посессивным показателем; ср. *ме ылын* 'на мне' и *ылам* 'на мне', но *ме ылын* и **ылам*; обязательным становится их употребление при каждом из членов сочинительной конструкции» [8, 12]. Действительно, в исследуемом идиоме послелог с основой *-ыл* употребляется при каждом из членов сочинительной конструкции (*н'э пэ́тл'айас ылын*, *н'э шорн'э́рйас ылын* 'не на петлях, не на шарнирах'; *дöрöмйас ылö да, кофтайас ылö, йупкайас ылö* 'на рубашки, на кофты, на юбки'; *р'абчик ылö да ош ылö эг вэ́тлаллы* 'на рябчика и на медведя не ходил'); самостоятельное использование в случае маркирования посессивным показателем не зафиксировано. Однако, несмотря на наличие фонетического процесса на стыке с именем (выпадение анлаутного *в*), данные образования сохраняют самостоятельное ударение и паузу после имени. В рамках настоящей статьи мы рассматриваем их в качестве послелогов.

Изолированные послелогии не образуют серий. В данном идиоме к ним относятся исконные *дырйи* 'во время', *дырна* 'в течение', *куз'а* 'по, вдоль', *паныд* 'напротив, против, накануне', *пыр* 'через', *кэ́жö* 'ко времени, на время', *пыд'н'и* 'вместо, из-за, о', *мында* 'примерно', *ыжда* 'величиной с', *пас'та* 'шириной с', *куз'да* 'длиной с', *вылна* 'высотой с', *моз* 'как, подобно', *код* 'как', *код'д'эма* 'как', *могыс* 'ради, из-за, о', *понда* 'для, о', *вöсна* 'ради, о', а также заимствованные *круг* 'вокруг' и *вэрма* 'во время'. Многие из перечисленных послелогов представлены несколькими формальными вариантами (см. п. 2.).

В верхнекамском наречии, как и в других разновидностях коми языка, послелогии характеризуются способностью присоединять

грамматические показатели существительных и прилагательных: субстантивный суффикс множественного числа *-йас* (*туй бокйасын бы-дмö* 'у дорог растёт', *вöр дорйасын* 'возле лесов'), лично-притяжательные форманты 2 и 3 лица единственного числа¹ (*ол'а банка ордад* 'у бабы Оли', *т'ам'а ордас* 'у отца', *туй куз'аыс* 'по дороге'); предикативный суффикс прилагательных *-öс* (*кычанок код'д'эмöс* 'похожие на щенят'), деминутивные суффиксы (*эта куз'н'ичка* 'такой длины').

2. В исследуемом наречии можно выделить следующие семантические разряды послелогов: пространственные, временные, заместительные, количественные, сравнительные, причинно-целевые. Одни послелогии обладают более широким, другие – более узким кругом грамматических значений.

2.1. Пространственные послелогии

2.1.1. Пространственные серийные послелогии

бöр- 'за, после': 1) пространственное значение: *н'иа бöрыс* 'за ними'; *мунö мам бöрыс* 'идёт за мамой'; *д'э́вкйас ачыныс котрас'ыны жэн'ихйас бöрс'ыс* 'девушки сами бегают за женихами'; *скöт'ина бöрыс вэ́тлам* 'ходим за скотиной'; 2) временное значение: *öтик кулис, д'э́вйатöй вöлин, а сы бöрын быкöбөн бы-дмисö* 'один умер, девятым был, а после него все выросли'; *школа бöрын работала колхозын* 'после школы работала в колхозе'; *кык год бöрын* 'через два года'; *война бöрын* 'после войны'; *сийа локтис мэ бöрыс* 'он пришёл после меня'; *радул'н'ича бöрыс чо́жа* 'вскоре после Радунцы'; 3) значение цели: *сийа локтис мэ бöрыс* 'он пришёл за мной';

бок- 'рядом': пространственное значение: *канава бокö султыштити* 'остановился рядом с канавой'; *туй бокын* 'у дороги';

вэ́рдыл- 'над': пространственное значение: *öбöс вэ́рдылö мöрталисö* 'над дверью втыкали'; *кон'ушна вэ́рдылын* 'над конюшней'; *шон-диыс йур вэ́рдылын* 'солнце над головой';

гöгöр- 'вокруг': пространственное значение: *площад'гöгöр* 'вокруг площади'; *пуйас гöгöрын* 'вокруг деревьев';

¹ В языке кировских пермяков категория притяжательности представлена лишь двумя грамматическими формами: 2 и 3 лица единственного числа.

дин- 'возле, около, к': 1) пространственное значение: *вэйанка динё* 'к веялке'; *ас динё зэлтны* 'к себе прижать, обнять'; *миан динё одд'он л'удно воаллисё* 'к нам очень много людей приходило'; *омёл'ик кэркушка вёлин, ос'инокйас му динын вёлинё* 'плохой домишко был, окошки у земли были'; *вёр динын* 'возле леса'; *д'эрэвн'а динын* 'возле деревни'; *мийан мама пэрвёй писё пызан кок динё көрталлис* 'наша мама первого сына к ножке стола привязывала'; *мэл'н'ица динын* 'возле мельницы'; *шан' погоданас л'он динад он эд мун* 'в хорошую погоду лён убирать (букв. ко льну) не пойдёшь'; 2) значение отчуждения: *мам диныс'кор йукс'и, готрас'и, тожно таччё вот пэрэйэхал* 'когда отделился от мамы, женился, потом вот сюда переехал'; *ос'ина диныс' вот корыс йансало* 'от осины кора отстаёт';

дор- 'возле, у': пространственное значение: *зоныс эта пукало пызан дорын* 'паренёк этот сидит возле стола'; *лог дорын ми олимё* 'у ложбины мы жили'; *ышё мэным н'эт'ин эс ил'опкы пэл'дорё*; *вёр дортиыс лым быкёб* 'возле леса всё в снегу'; *кудымкар дорыс'* 'со стороны Кудымкара'; *т'эрка дор* 'место возле дома';

кост- 'между': пространственное значение: *кэркайас костын* 'между домами'; *са меным с'уйышитис вот лопатка костё* 'он мне воткнул между лопатками'; *миан костё пукс'ин* '(ты) села между нами'; *ыбйас костын* 'между полями';

оз'- 'перед': 1) пространственное значение: *икона оз'ё султа* 'встану перед иконой'; 2) временное значение: *покойн'ик оз'ын*;

орд- 'у': послелог употребляется только с одушевлёнными существительными и личными местоимениями и выражает пространственное значение: *зон ордын бол'иэ ту ола* 'у сына чаще-то живу'; *зоныс н'иа ордё локтис* 'сын к ним пришёл'; *сос'эдыас ордё котёртис* 'к соседям побежал'; *н'иа комбайн'орнас собралис' мийан ордё* 'они с комбайнёрами собрались у нас'; *т'ат'а ордас минам два постойал'ца вёлинё*, 'у моего отца два постояльца было; *оти ордё пырасё, мёд ордё пырасё* 'к одному зайдут, к другому зайдут';

ос'т- 'напротив': пространственное значение: *тийан т'эрка ос'тын* 'напротив вашего дома'; *пукаломэос'тын* 'сидит напротив меня'. Послелог с данной основой нехарактерен

для других разновидностей коми языка (ср. кз. кп. *вэс'тын* 'над чем / кем-либо, напротив чего / кого-либо'). Возможно, имеет связь с вернесыольским послелогом с основой *бчс-* / *бст-* / *бтс-* (*кон'ушна бтсын* 'напротив конюшни', *мэ бтсё* 'напротив меня') [4, 142];

пытишк- 'внутри': пространственное значение: *сы пытишкын* 'внутри него'; *т'эрка пытишкын* 'внутри дома'.

сай- 'за': 1) пространственное значение: *пашинчи сайын көнтё* 'где-то за деревней Пашино'; *пызан сайё пырасё* 'сядут за стол'; *кама сайё вэтлимё вёрсё пёрёдны* 'за Каму ходили лес валить'; 2) объектное значение: *вэрэс сайын вёлинё* 'они уже замужем были'; *эта жэн'их сайё мэ с'эта дочийёс* 'за этого жениха я выдам замуж дочь';

улт- 'под': пространственное значение: *ас'ултё* 'под себя'; *машина ултё шэдис* 'под машину попал'; *кокйас ултын* 'под ногами'; *одзджык ос'ин ултын кылзыс'алисё* 'раньше под окном подслушивали'; *ос'инйас улти котрас'им* 'под окнами бегали'; *от'и куст убрал'и ос'ин ултыс'* 'один куст убрали под окном'; *кок ултёз'* 'в ноги';

шёр- 'центр': пространственное значение: *т'эрка шёрын* 'в центре дома'; *пызан шёрын* 'в центре стола'; *туй шёрти* 'по центру дороги';

ыл- / *выл-* 'на': 1) пространственное значение: *мэнё пызан ылё пукс'одисё* 'меня на стол посадили'; *лугйас ылын бэл'итыны дарасё* 'на лугах отбеливают лён'; *пызан ылыс' бос'ны* 'взять со стола'; *мужикыс эз лок война ылс'ыс, пёгиб* 'муж не вернулся с войны, погиб'; 2) значение цели, назначения: *станйас ылас абы оттёр-мөттёр* 'для ткацких станков нет одного-другого'; *а кл'ит' чёрсканё анбар ылё кыскисё* 'а клеть в Черскан на амбар увезли'; *ыжыд т'эрка вылад тёлын пэс уна колис* 'для большого дома зимой много дров нужно было'; 3) значение объекта: *мый ылын са с'эралё, ог тёд* 'над чем он смеётся, не знаю'; *ужалны мэ ылё колз'ас* 'работать на меня придётся'; *с'акёйтор с'ойимё: пикан ылын олимё да пис'т'икйас ылын да*;

2.1.2. Пространственные несерийные послелогии

куз'а / *куз'и* 'по, вдоль': 1) пространственное значение: *т'ийас куз'а гагйас вэтлиндё* 'по рукам насекомые ползают'; *л'ин'ийа куз'и* 'по

линии'; *заслонка куз'аыс кучкалө* 'по заслонке бьёт'; *ва куз'а пыж кылтө* 'по воде плывёт лодка'; *быгл'ас'ны му куз'а* 'кататься по земле'; *мэ лог куз'аыс еду* 'я по ложбине еду'; 2) объектное значение (вероятно, сформировалось под влиянием русского языка): *сийа гаштөмс'ис мэ куз'а* 'он соскучился по мне'; *чэл'ад'куз'а ужэ га'штөмс'и* 'по детям уже соскучился';

паныд 'напротив, против, накануне':

1) пространственное значение: *иконайаслы паныд* 'напротив икон'; *сийа мианлы паныд пукс'ис* 'он сел напротив нас'; *мунны погода паныд* 'идти против ветра'; *кылтны ва паныд* 'плыть против течения'; 2) временное значение: *праз'н'ик паныд* 'накануне праздника'; *Иван лун паныд* 'накануне Иванова дня';

пыр 'через': пространственное значение: *мунны вөр пыр* 'идти через лес';

круг 'вокруг': пространственное значение: *пупок круг чэрт'итасө* 'вокруг пупка начертят'; *орсыны бэр'озайас круг* 'играют вокруг берёз'; *т'эрка круг* 'вокруг дома'; *мэ круг* 'вокруг меня'. Послелог является заимствованным, его источник – предлог *круг*, характерный для русских говоров [22, 296]. Данный послелог зафиксирован также в верхнесельском диалекте коми языка: *пызан кругыс пус'ёмайс* 'они уселись вокруг стола', *котра-лам би кругыс* 'бегаем вокруг костра' [4, 143].

2.2. Временные послелог

дырийи / дырья / дырн'и / дырн'а 'во время': указывает на 1) время совершения действия: *пасха дырийи* 'во время Пасхи'; *н'иа прийдут масл'энка дырийи*; *война дырья*; *обэд дырн'а* 'во время обеда'; *колхозйассө то вöчисө мэ дырн'и* 'колхозы-то при мне организовали'; *война дырья* 'во время войны; 2) присутствие кого-либо при совершении действия: *мэ дырн'а эз кыйалө* 'при мне не вязали';

дырна 'в течение': указывает на продолжительность совершения какого-либо действия: *бан'аын дак пöс' вайн пр'амө виз'а мыйкө дырна* 'в бане в горячей воде держу какое-то время'; *йандзим уж вис'талны, эта дырна тö ола да* 'стыдно уж говорить, так долго живу'; *мый дырна эшö оланö татöн?* 'как долго ещё вы здесь пробудете?'; *мыйкө дырна* 'в течение какого-то времени';

кэжө / т'эжө 'ко времени, на время': указание на 1) время, к которому действие должно

быть завершено: *мас'л'эн'ича кэжө катуш-кайас вöчалисө* 'на масленицу катушки делали'; *праз'н'икйас кэжас с'о бан'а ломта-лимö дак* 'на праздники всегда баню топили'; *свад'ба т'эжө* 'к свадьбе'; 2) время совершения действия *мунан лунтыр кэжө* 'пойдёшь на целый день'; *колис ой т'эжас кёрталны* 'на ночь'; *ой кэжө вайшодасө вартны* 'на ночь отправят молотить';

вэрма 'во время': указывает на промежуток времени, в течение которого совершается действие: *троица вэрма* 'во время Троицы'; *зөр ваймө, вэс'энн'эй с'эв вэрма кöз'ны* 'овес привезли, во время весеннего сева сеять'; *масл'эн'ича вэрма ислас'имö* 'во время Масленицы катались'; *празн'ик вэрма вöлин* 'во время праздника было'; *паска вэрма гыч-час'лимö, н'инкөм чужйалимö* 'во время Пасхи качались, лапти бросали'; *война вэрмаас кин вэлöччис?* 'во время войны кто учился?'. Возможно, источником данного заимствованного послелога является русский производный предлог *во время*. Не исключено также, что послелог мог сформироваться на базе заимствованного имени *время*; исконное слово *кад* 'время' в идиоме не зафиксировано: *врэмйа вöлин дак* 'если время было'; *рытийал врэмйаыс* 'время к вечеру'. В результате фонетической адаптации и метатезы релятивное слово приобрело форму *вэрма*. Послелог *вэрма* по значению является синонимичным послелогам *дырийи / дырья / дырн'и / дырн'а* 'во время'. Употребление этих послелогов в верхнекамском наречии дифференцировано по говорам: в северных говорах (дер. Порубово, Илюши, Рагоза) употребляется исконный *дырийи / дырья / дырн'и / дырн'а*; в остальных – заимствованный *вэрма*.

2.3. Послелог, указывающие на количество, меру, предел

мында 'примерно': значение приблизительного количества: *вэдра мында* 'объёмом с ведро'; *мэ можэт гöд мында сыйкөд оли эг* 'я, может, (один) год с ним прожила'; *л'итру мында вайö* 'около литра приносит';

ыжда / ыжна: 'величиной с': *мый ыжда* 'какой величины'; *ой, мый ыжна!* 'ой, какой величины!';

пас'та / пас'на: 'шириной с': *вот эта пас'та* 'вот такой ширины', *вот эта пас'таас*

‘вот такой ширины’; *вот эта нас’на эд вѳчасѳ* ‘вот такой ширины сделают’;

куз’да: ‘длиной с’: *эта куз’да жѳ* ‘вот такой длины тоже’; *вот эта куз’н’ичка*;

вылна: ‘высотой с’: *трубичайас эта вылнаѳс’вѳлинѳ*.

2.4. Сравнительные послелог

моз / моза ‘как, подобно’: сравнительное значение: *буквайас мѳд моз, кыл мѳд моз гижѳма* ‘буквы по-другому, язык по-другому написан’; *а мийан ужѳ мѳд моза гижѳс’ѳ* ‘а у нас по-другому пишется’; *н’иа н’ѳ мийан моз баитыны* ‘они говорят не так, как мы’; *миан мож жѳ* ‘как у нас’;

код’ / код’н’ѳм / код’д’ѳм ‘как’: сравнительное значение: *мѳ код’* ‘такой, как я’; *кычанок код’д’ѳмѳс’* ‘похожие на щенят’, *сийа н’ѳ мѳ код’н’ѳм* ‘он не такой, как я’;

код’д’ѳма ‘как’: *главнѳй русскѳййас мийан код’д’ѳма оз с’орн’итѳ* ‘коренные русские так, как мы, не говорят’;

2.5. Заместительные послелог

пыд’н’и / пыд’н’а. ‘вместо, из-за, о’ 1) заместительное значение: *мѳ пыд’н’и ужалѳ* ‘вместо меня работает’; 2) значение причины: *зѳ пыд’н’и эг мѳд* ‘не пошѳл из-за дождя’; *полз’ѳм пыд’н’и эз вѳрмы баитны* ‘из-за испуга не смог говорить’; 3) предмет речи: *погода пыд’н’и баитимѳ* ‘о погоде говорили’. Отличительной особенностью данного послелога в языке кировских пермяков является функционирование в ряде говоров в значении причины и предмета речи. В значении причины послелог *пыд’д’и* зафиксирован также в оньковском диалекте [1, 200–201].

2.6. Причинно-целевые послелог

могыс’ / могс’а ‘ради, из-за, о’ 1) цель совершения действия: *колз’ас ѳпѳт’ вѳтлыны ышѳ пастушит’сы могыс’* ‘придѳтся опять сходить пастушить ради него’; *эта могыс’ полз’ѳдлисѳ* ‘с этой целью пугали’; 2) значение причины: *эг мун зѳр могс’а* ‘не пошѳл из-за дождя’; 3) значение предмета речи или мысли: *эта вот эта зоночка могыс’ мѳ с’о думайта* ‘про этого мальчика я все время думаю’; *ми тѳкѳд баитим погода могыс’* ‘мы с тобой говорили о погоде’; *мѳдйас могыс’* ‘про других’; *мѳ могыс’* ‘обо мне’. Использование послелога с основой *мог-* в значении причины и предмета речи зафиксировано также в вымском диалекте [21, I,

922]; в других разновидностях коми языка не отмечено.

вѳсна: ‘ради, о’ 1) значение цели: *сур пуа мужык вѳсна* ‘пиво варю ради мужа’, *кѳпѳй-кайас с’ѳталѳ да, винаѳн йукталѳ да, вот сылы у’джалѳны эта вѳсна* ‘копейки платит, вином поит, вот на него и работают ради этого’; 2) предмет речи / мысли: *мѳ вѳсна с’орн’итѳ* ‘обо мне говорит’; *мѳ вѳсна думайтѳ* ‘думает обо мне’; *ми тѳкѳд баитим погода вѳсна* ‘мы с тобой говорили о погоде’. Послелог характерен для северных говоров исследуемого наречия (дер. Порубово, Илюши, Рагоза). *Вѳсна* употребляется также в южных и центральных зырянских диалектах [21, I, 272], в которых функционирует в качестве причинно-целевого послелога; не встречается в коми-пермяцких диалектах. Значение ‘предмет речи / мысли’ характерно только для языка кировских пермяков.

В коми-пермяцких и коми-зырянских диалектах в значении причины активно используется послелог *понда* в различном фонетическом оформлении. Для исследуемого идиома этот послелог тоже характерен, но он не встречается в значении причины. Послелог зафиксирован в вариантах *понда*, *понна* и выражает: 1) значение объекта: *чѳл’ад’ понда пѳрѳживайтны* ‘за детей переживать’; 2) значение адресата: *бикѳб понда н’ан’минам н’ѳ хват’ит* ‘для всех хлеба у меня не хватит’; 3) заместительное значение: *кыз’холод’ил’н’ик понда, ѳрѳш да мый да л’ѳччѳдалимѳ* ‘вместо холодильника (использовали), квас да что спускали’. 4) предмет речи: *олѳм поннас ѳн баит* ‘про жизнь не говори’. Первые три значения зарегистрированы и в других коми диалектах, в значении ‘предмет речи’ послелог зафиксирован также в нижневычегодском диалекте [21, 152] и коми-язьвинском наречии [6, 166; 30, 28].

В исследуемом наречии нам не удалось зафиксировать разделительные послелог. Значения, выражаемые посредством разделительных послелогов в других коми диалектах (кз. *кын’дзи, ѳтдор*; кп. *кин’н’а* ‘кроме’ в различном фонетическом оформлении), в языке кировских пермяков передаются иными способами: *н’ѳт’ин эз лок, ѳткѳн мѳ* ‘никто не пришѳл, один я = кроме меня никто не пришѳл’; *мѳтѳг н’ѳкин эз лок* ‘кроме меня никто не пришѳл’.

Обсуждение и заключение

Послеложная система исследуемого идиома представлена серийными и изолированными послелогоми. В результате полевых исследований было выявлено 15 серийных послелогов, число членов которых колеблется от двух до семи. Они являются застывшими формами номинатива, илатива, инессива, элатива, транзитива, терминатива, эгрессива. Изолированными являются 20 послелогов, два из них (*круг* 'вокруг' и *вэрма* 'во время') сформировались в результате воздействия русского языка. Послелог *куз'а* 'по, вдоль', *дырйи* 'во время', *кэжжэ* 'ко времени, на время', *ыжда* 'величиной с', *нас'та* 'шириной с', *пыд'н'и* 'вместо, из-за', *могыс* 'ради, из-за', представлены несколькими формальными вариантами, обусловленными спецификой того или иного говора либо идиолектными особенностями.

Наличие фонетического процесса на стыке с именем (выпадение анлаутного *в*) у послелогов с основой *выл-* даёт возможность говорить о начальной стадии процесса их трансформации в падежные форманты, который широко

представлен в коми-пермяцких и удмуртских диалектах. Но, несмотря на это, данные образования сохраняют самостоятельное ударение и паузу после имени, и в рамках настоящей статьи рассмотрены в качестве послелогов.

По основному значению в языке кировских пермяков выделены пространственные, временные, количественные, сравнительные, заместительные, причинно-целевые послелогии; не зафиксированы разделительные послелогии, характерные для других коми диалектов. Наиболее многочисленным семантическим разрядом являются пространственные послелогии.

Следует также отметить, что употребительность послелогов в исследуемом идиоме снижается в результате замещения исконных послеложных конструкций русскими предложениями: *мэ на работ'э вёлин* 'я на работе была'; *груд'иччасэ эд'на л'этё быкёбёнос* 'соберутся ведь на лето все'; *т'ин на к, т'ин на т'баитёны* 'кто на к, кто на ть говорят'; *пос'л'э войны-тё кыз'мийанёс ужёдисё* 'после войны-то как нас заставляли работать'; *мэстё склада* 'вместо склада'; *за стол пукс'ёно* 'за стол садятся'.

Список источников и литературы

1. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
2. Ефремов Д. А. О послеложном управлении в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2013. № 2. С. 8–15.
3. Ефремов Д. А. Послелогии в удмуртском и финском языках // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. № 5. С. 70–76.
4. Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.
5. Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка. Формирование и современное состояние: дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2018. 562 с.
6. Лыткин В. И. Коми-язвинский диалект. М.: Академия наук СССР, 1961. 228 с.
7. Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 186 с.
8. Некрасова Г. А. Изменения в падежной системе коми-пермяцкого языка XIX–XX вв. (по материалам письменных источников) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 3. С. 7–16.
9. Некрасова Г. А. Кывбёр // Ёния коми кыв. Морфология. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. С. 435–487.
10. Некрасова Г. А. Послелог // Коми язык. Энциклопедия. М.: Изд-во ДиК, 1998. С. 373–374.
11. Некрасова Г. А. Послелогии коми языка в аспекте грамматико-лексикографического описания // Грамматика и лексикография коми языка. Сыктывкар: Коми научный центр УрО АН СССР, 1989. С. 50–62.
12. Нечаев Г. Характеристика зюдинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Сыктывкар: Центриздат, 1930. Вып. 1. С. 1–21.
13. Родионова А. П. Пути развития послеложной системы карельского языка: от аналитической конструкции к форме слова (на материале ливвиковского наречия): дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2007. 166 с.
14. Сажина С. А. Словоизменение личных местоимений в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. Вып. 4 (22). С. 50–59.

15. Сажина С. А. Указательные местоимения в языке кировских пермяков // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 68–76.
16. Сажина С.А. Консонантизм языка кировских пермяков // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 240–249.
17. Сажина С. А. Реализация грамматических категорий глагола в языке кировских пермяков // *Linguistica Uralica*. 2018. № 1. С. 40–52.
18. Сажина С. А. Фонетические и морфологические маркеры языка кировских пермяков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 2. С. 40–48.
19. Серова Л. Н. Морфологическая и синтаксическая структура послеложных конструкций в мокшанском и финском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2006. 23 с.
20. Сибатрова С. С. Послелогии в марийском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1988. 224 с.
21. Словарь диалектов коми языка. В 2-х томах / Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Сыктывкар: Кола, 2012–2014. Т. I, 1096 с.; Т. II, 888 с.
22. Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1979. Вып. 15. 400 с.
23. Федосеева Е. Н. Лексические заимствования в словарном составе языка верхнекамских коми // Ашмаринские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 188–192.
24. Федосеева Е. Н. Лексические особенности языка кировских пермяков // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Ижевск: УдГУ, 2008. С. 338–342.
25. Федосеева Е. Н. Общее и частное в лексике верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков. Ижевск; Будапешт: Удмуртский университет. 2015. С. 505–511.
26. Ямашкина О. К. Функциональная значимость послеложных конструкций в мокшанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. н. Саранск, 2005. 17 с.
27. Rédei K. Die postpositionen im syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen. Budapest: Akademiai Kiadó, 1962. 224 p.
28. Baker R. The Development of the Komi Case System. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1985. 266 p.
29. Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 2000. 372 p.
30. Genetz A. Ost-permische Sprachstudien. Helsingfors: Suomalais-ugrilainen seura, 1897. 57 p.
31. Saarinen S. Die Nominalkategorie und das Postpositionssystem der Wolgasprachen. CDIFU. Pars I: Orationes Plenariae. Yoshkar-Ola: [w/p], 2005. pp. 161–174.

References

1. Batalova R. M. *Komi-permyackaja dialektologija* [Komi-Permyak dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 252 p. (In Russian)
2. Efremov D. A. *O poslelozhnom upravlenii v udmurtskom yazyke* [About postposition government in the Udmurt language]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology], 2013, no. 2, pp. 8–15. (In Russian)
3. Efremov D. A. *Poslelogi v udmurtskom i finskom yazykah* [Postpositions in the Udmurt and Finnish languages]. *Ezhгодnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2014, no. 5, pp. 70–76. (In Russian)
4. Zhilina T. I. *Verhnesysol'skij dialekt komi jazyka* [The Upper Sysola dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 268 p. (In Russian)
5. Karpova L. L. *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka. Formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language. Formation and state of the art]. Izhevsk, 2018. 562 p. (In Russian)
6. Lytkin V. I. *Komi-yaz'vinskij dialekt* [The Komi-Yazva dialect]. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1961. 228 p. (In Russian)
7. Maytinskaya K. E. *Sluzhebnnye slova v finno-ugorskih yazykah* [Function words in the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 186 p. (In Russian)
8. Nekrasova G. A. *Izmeneniya v padezhnoj sisteme komi-permyackogo yazyka XIX–XX vv. (po materialam pis'mennyh istochnikov)* [Changes in the case system of the Komi-Permyak language in the XIX–XX centuries (on materials from the written sources)]. *Ezhгодnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, no. 3, pp. 7–16. (In Russian)

9. Nekrasova G. A. *Kyvbor* [Postposition]. *Öniya komi kyv. Morfologiya* [Modern komi language. Morphology]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2000. pp. 435–487. (In Komi)
10. Nekrasova G. A. *Poslelog* [Postposition]. *Komi yazyk. Enciklopediya* [Komi language. Encyclopedia]. Moscow: DiK Publ., 1998. pp. 373–374. (In Russian)
11. Nekrasova G. A. *Poslelogi komi yazyka v aspekte grammatiko-leksikograficheskogo opisaniya* [Postpositions of the Komi language in the aspect of grammar-lexicographical description]. *Grammatika i leksikografiya komi yazyka*. [Grammar and lexicography of the Komi language]. Syktyvkar: Komi nauchnyj centr UrO AN SSSR Publ., 1989. pp. 50–62. (In Russian)
12. Nechaev G. *Kharakteristika ziuzdinskogo dialekta komi iazyka* [Characteristics of the Zyuzdin dialect of the Komi language]. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovaria i izucheniiu dialektov komi yazyka* [Collection of the commission on the collecting of the dictionary and the study of dialects of the Komi language]. Syktyvkar: Centr izdat Publ., 1930. pp. 7–27. (In Russian)
13. Rodionova A. P. *Puti razvitiya poslelozhnoj sistemy karel'skogo yazyka: ot analiticheskoy konstrukcii k forme slova (na materiale livvikovskogo narechiya)* [Ways of development of the system of postpositions of the Karelian language: from the analytical construction to the form of a word (on the material of the Livvik dialect)]. Petrozavodsk, 2007. 166 p. (In Russian)
14. Sazhina S. A. *Slovoizmenenie lichnykh mestoimenij v verhnjekamskom narechii komi-permyackogo yazyka* [Inflection of personal pronouns in the Upper-Kama dialect of the Komi-Permyak language]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2018, no. 4, pp. 50–59. (In Russian)
15. Sazhina S. A. *Ukazatel'nye mestoimeniya v yazyke kirovskikh permyakov* [Demonstrative pronouns in the language of the Kirov Permyaks]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2018, no. 2, pp. 68–76. (In Russian)
16. Sazhina S. A. *Konsonantizm yazyka kirovskikh permyakov* [The consonantism of the language of the Kirov Permyaks]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2016, no. 1, pp. 240–249. (In Russian)
17. Sazhina S. A. *Realizaciya grammaticheskikh kategorij glagola v yazyke kirovskikh permyakov* [Realization of grammatical categories of a verb in the language of the Kirov Permyaks]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2018, no. 1, pp. 40–52. (In Russian)
18. Sazhina S. A. *Foneticheskie i morfologicheskie markery yazyka kirovskikh permyakov* [Phonetic and morphological markers of the language of the Kirov Permyaks]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2016, no. 2, pp. 40–48. (In Russian)
19. Serova L. N. *Morfologicheskaya i sintaksicheskaya struktura poslelozhnykh konstrukcij v mokshanskom i finskom yazykah* [Morphological and syntactic structure of postposition constructions in the Moksha and Finnish languages]. Saransk, 2006. 23 p. (In Russian)
20. Sibatrova S. S. *Poslelogi v marijskom yazyke* [Postpositions in the Mari language]. Tartu, 1988. 224 p. (In Russian)
21. Beznosikova L. M., Aybabina E. A., Zaboeva N. K., Kosnyreva R. I. *Slovar' dialektov komi yazyka. V 2h tomah* [Dictionary of the dialects of the Komi language. In 2 volumes]. Syktyvkar: Kola Publ., 2012–2014. Vol. 1. 1096 p. Vol. II. 888 p. (In Russian)
22. *Slovar' russkikh narodnykh gvorov* [Dictionary of the Russian folk dialects]. Leningrad: Nauka Publ., 1979. Vol. 15. 400 p. (In Russian)
23. Fedoseeva E. N. *Leksicheskie zaimstvovaniya v slovarnom sostave yazyka verhnjekamskikh komi* [Lexical borrowings in the vocabulary of the language of the Upper-Kama Komi]. *Ashmarinskie chtenija. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [The Ashmarin Readings. Materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta Publ., 2008. pp. 188–192. (In Russian)
24. Fedoseeva E. N. *Leksicheskie osobennosti yazyka kirovskikh permyakov* [Lexical features of the language of the Kirov Permyaks]. *Permistika XII: Dialekty i istorija permskikh jazykov vo vzaimodejstvii s drugimi jazykami* [Permistika XII: Dialects and the history of the Permian languages in cooperation with other languages]. Izhevsk: UdGU Publ., 2008. pp. 338–342. (In Russian)
25. Fedoseeva E. N. *Obshhee i chastnoe v leksike verhnjekamskogo narechiya komi-permyackogo yazyka* [General and particular in vocabulary of the Upper-Kama dialect of the Komi-Permyak language]. *Sovremennoe udmurtovedenie v kontekste komparativistiki, kontaktologii i tipologii jazykov* [Modern study of Udmurtia in the context of comparative study, contactology and language typology]. Izhevsk; Budapesht: Udmurtskij universitet Publ., 2015. pp. 505–511. (In Russian)
26. Yamashkina O. K. *Funkcional'naya znachimost' poslelozhnykh konstrukcij v mokshanskom yazyke* [The functional significance of post-constructions in the Moksha language]. Saransk, 2005. 17 p. (In Russian)

27. Rédei K. *Die postpositionen im syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen*. Budapest: Akademiai Kiadó, 1962. 224 p. (In German)
28. Baker R. *The Development of the Komi Case System*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1985. 266 p. (In English)
29. Bartens R. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 2000. 372 p. (In Finnish)
30. Genetz A. *Ost-permische Sprachstudien*. Helsingfors: Suomalais-ugrilainen seura, 1897. 57 p. (In German)
31. Saarinen S. *Die Nominalkategorie und das Postpositionssystem der Wolgasprachen*. CDIFU. Pars I: Orationes Plenariae. Yoshkar-Ola: [w/p], 2005. pp. 161–174. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сажина Светлана Александровна, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории ФГБУН ФИЦ «Коми научный центр уральского отделения Российской академии наук» (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), кандидат филологических наук.

E-mail: sazinass@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-4902-6415

ABOUT THE AUTHOR

Sazhina Svetlana Aleksandrovna, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, the Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 26), Candidate of Philological Sciences.

E-mail: sazinass@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-4902-6415